

ЗАПИСИ О ЧЕХОВЕ В ДНЕВНИКАХ С. И. СМИРНОВОЙ-САЗОНОВОЙ

Публикация Н. И. Г и т о в и ч

Софья Ивановна *Смирнова* (1852—1921) — писательница, жена актера Александринского театра Н. Ф. Сазонова. Ее первый роман «Огонек» был напечатан в «Отечественных записках» 1871 г. До конца 1870-х годов она поместила там же еще четыре романа. В 1890-х годах ее произведения печатались преимущественно в «Новом времени». Тогда же у нее установились дружеские отношения с А. С. Сувориным.

Смирнова познакомилась с Чеховым на музыкальном вечере у Суворина в феврале 1895 г. Позднее она изредка встречалась с Чеховым в Петербурге и в Ялте, но всегда они оставались людьми, чуждыми друг другу. Об этом свидетельствует следующий характерный эпизод: в ноябре 1892 г. Суворин получил от Чехова письмо, написанное по поводу «Палаты № 6» и содержащее исключительно важные мысли писателя об общественном назначении литературы. Суворин послал это письмо Смирновой, а затем ее ответ отправил Чехову. 3 декабря 1892 г. Чехов писал Суворину: «Под влиянием ее письма вы пишете мне о «жизни для жизни». Покорно вас благодарю. Ведь ее жизнерадостное письмо в 1000 раз больше похоже на могилу, чем мое. Я пишу, что нет целей, и вы понимаете, что эти цели я считаю необходимыми и охотно бы пошел искать их, а Сазонова пишет, что не следует манить человека всякими благами, которых он никогда не получит... «цени то, что есть», и, по ее мнению, вся наша беда в том, что мы все ищем каких-то высших и отдаленных целей. Если это не бабья логика, то ведь это философия отчаяния. Кто искренно думает, что высшие и отдаленные цели человеку нужны так же мало, как корове, что в этих целях «вся наша беда», тому остается кушать, пить, спать или, когда это надоест, разбежаться и хватить лбом об угол сундука. Я не браню Сазонову, а только хочу сказать, что она далеко не жизнерадостная особа. По-видимому, она хороший человек, но все-таки напрасно вы показали ей мое письмо. Она для меня чужая, и мне теперь неловко» (ЛССП, т. XV, с. 450—451; см. об этом ниже запись от 28 ноября 1892 г.).

Сохранились обширные дневники С. И. Смирновой — 69 тетрадей за 1877—1919 гг. (ИРЛИ, ф. 285, № 2—70). В них, наряду с записями семейного характера, нашли отражение многие факты литературной, театральной и общественно-политической жизни Петербурга. Имеются здесь и записи о Чехове. Помимо личных впечатлений Смирновой от встреч и бесед с писателем, они содержат сведения о постановках его пьес в Александринском театре, о чеховских спектаклях Московского Художественного театра во время его петербургских гастролей и др. Смирнова сплошь и рядом обнаруживает при этом непонимание творчества Чехова, однако приводимые ею факты и суждения представляют для исследователя известный историко-литературный интерес. Дневник Смирновой содержит также сведения, существенные для понимания углублявшихся с годами принципиальных расхождений Чехова с Сувориным; сведения эти заслуживают тем большего внимания, что исходят от человека, принадлежавшего к близкому окружению Суворина.

Для настоящей публикации из дневников Смирновой отобраны записи о Чехове и его творчестве за 1888—1904 гг. Пропуски строк, не имеющих отношения к Чехову, внутри приводимых записей обозначены обычным знаком <...>; пропуски между записями не обозначаются.

Несколько записей Смирновой, касающихся постановки «Чайки» в 1896 г., были опубликованы в сб.: «В. Ф. Комиссаржевская. Письма актрисы. Воспоминания о ней. Материалы». М.— Л., «Искусство», 1964.

1888

30 августа. Николай <Сазонов> прочел нам вслух фельетон «Нового времени», драматическую сцену «Медведь» <...> фельетон его пленил, говорит, что хорошо бы эту сценку сыграть. Она в три лица, как раз он, Савина и Варламов. Хотел даже спросить в телефон, кто автор ¹.

27 ноября. Музыкальный вечер у Вышнеградских с благотворительной целью. Николай, Савина и Варламов играют в первый раз чеховского «Медведя» ².

9 декабря. Выходя из театра, Николай встретил Чехова, с которым Анна Ивановна ³ стояла у подъезда, дожидаясь лошадей. Николай объяснился с Чеховым по поводу «Медведя», которого он играет в двух министерствах без авторского разрешения ⁴. Савина сказала ему, что роль эта назначается Давыдову. Чехов говорит, что он никому ее раньше не назначал, а Давыдов сам писал ему и просил роль ⁵.

1889

15 января. Задал Чехов работы с «Ивановым». Давыдов эту роль играть не хочет, Николай тоже, а кроме их некому. Мы еще раз перечитали эту пьесу, все ее дикости и несообразности еще больше бьют в глаза ⁶.

31 января. Юбилейный бенефис Федорова. Идет чеховский «Иванов» с большим успехом ⁷.

6 февраля. Первый раз играют в Александринке чеховского «Медведя»; весь спектакль из чеховских пьес: «Иванов» и «Медведь».

9 октября. Вечером Николай у директора на чтении пьесы Чехова «Леший», которую Свободин хочет поставить в свой бенефис. Говорит, пьеса так слаба, что директор не хочет ее ставить ⁸.

1892

2 марта. У меня был Суворин. <...> Он говорил о том <...> как у него сотрудники не любят, когда он сам что-нибудь напишет или пропустит в газету что-нибудь талантливое не из редакции, например чеховскую «Дуэль» ⁹.

28 ноября. Суворин прислал мне чеховское письмо, чтобы я «не сомневалась, что он сходит с ума». Но я после этого письма думаю, что он себе на уме. Суворину не понравилась «Палата № 6», он ему и грянул резкое письмо. Тот, видимо уязвленный, отвечает, что по нынешним временам лучше писать нельзя. Вы, говорит, горький пьяница, вам спирту нужно, а я вам лимонаду предлагаю ¹⁰.

Села писать ответ на суворинское письмо.

1 декабря. Были на Фонвизинском юбилее. Два антракта провела с Сувориным. Он мое письмо послал Чехову. Мне дал чеховское прочитать, а ему мое ¹¹.

1893

28 января. Суворин рассказал мне содержание своего романа и чеховской повести ¹².

26 февраля. Поздно вечером был Суворин <...> Рассказывал свою поездку за границу с Чеховым и сыновьями. <...> В Риме Чехов говорит — «Эх, на траве бы теперь полежать» ¹³.

2 декабря. «Русской мысли» дано второе предостережение за какую-то статью о социологии. Но эта статья только предлог. На самом деле это кара за чеховский «Сахалин». Начальник Тюремного управления Галкин-Враский им возмущен ¹⁴.

1894

2 февраля. Читала с Николаем рассказ Чехова «Бабье царство», где он, по моему разумению, вывел Анну Ивановну Суворину ¹⁵.

12 сентября. От Суворина письмо. Он едет с Чеховым за границу, в Аббацию ¹⁶.

9 октября. Письмо от Суворина из Ниццы. Они с Чеховым друг другу надоели, оба скитаются и оба молчат. Чехов все ищет заглавие для своего рассказа ¹⁷.

16 октября. В Одессе Чехову не хотели давать заграничного паспорта: требовали удостоверения по месту жительства, что нет препятствий к его выезду. Суворин написал резкое письмо градоначальнику Зеленому. Сейчас же оттуда послы, ночью отперли канцелярию и паспорт был Чехову сейчас же выдан ¹⁸.

1895

9 февраля. Поехала обедать к Сувориным, не подозревая, что у них будет музыкальный вечер <...> В 7-м часу сели за стол, я между Сувориным и Григоровичем, против меня хозяйка с Кривенкой ¹⁹. Я познакомилась накануне с Чеховым. Молча пожали друг другу руки и ни одного слова не сказали. Чехов за столом молчал. Когда заговорили о винах, посоветовал только не пить русских вин, потому что от них скоро стареют. Говорили за всех Скальковский ²⁰ и Григорович. Разговоры вполне анархические! злая критика всей нашей администрации: кто сколько украл, каких глупостей наделали. Суворин привык спать после обеда и сидит через силу, даже реплик не подает. Чехов ушел к себе в комнату (ему отведена библиотека), собрал там свою компанию и потом уехал к Лейкину ²¹.

14 февраля. Заспорили мы о том, может ли быть священник не женатым. Он <Суворин> пошел справляться об этом у Чехова, который завтра уезжает в Москву, а теперь сидит у себя в комнате и к нам не вышел.

15 февраля. Была на музыкальном вечере у Сувориных. У них поют итальянцы Маркони, Баттистини, Нинети. Зембрих тоже была, но по нездоровью не пела: ее заменила Бакмансон. Итальянцы обедали и пели с 7 часов: мы приехали в 10-м: встретили на лестнице Суворина, который спускается в редакцию. Сидели у Чехова в комнате, говорили о процессе Палем, <...> застрелившей студента-путейца. Это просто публичная женщина, требовавшая, чтобы студент на ней женился. Наши газеты, особенно «Новости», берут ее под свою защиту. В «Петербургской газете» описываются трогательные подробности: «...она два раза подносила платок к глазам; жест этот был грациозен, округлен и полон глубокого трагизма». «Увидав платье убитого, она издала раздирающий душу стон». И все в этом роде. Меня это возмущает, я говорила о <Палем> с ненавистью. Чехов защищает ее: она психопатка, жертва общественного темперамента ²².

Прошу Чехова обратить внимание Алексея Алексеевича Суворина ²³ на статью «Колонизация нашего Дальнего Востока», за которую хлопочет доктор Терещенко <...>.

Маркони поет «pour monsieur Souvorine» «La donna e mobile» как-то особенно, по-опереточному. Баттистини спел арию перед портретом. Николай им недоволен, говорит, что он не то выражение ей придал. Он слушает пение из кабинета. Там же сидит молчаливый Чехов.

15 марта. Была у Суворина. Мы до того с ним много говорили, что даже я устала, точно я десять верст пешком прошла.

У Чехова был роман с девицей Мизиновой. Он хотел жениться, но должно быть не сильно, потому что Суворин отговорил его. Потом с этой девицей сошелся Потапенко и оставил ее...²⁴

21 декабря. Прочла чеховскую «Чайку». Удручающее впечатление²⁵. В литературе только Чехов, в музыке Шопен производят на меня такое впечатление. Точно камень на душе, дышать нечем. Это что-то беспросветное. После такой «комедии» надо смотреть что-нибудь до глупости веселое.

1896

4 января. Я еду к Суворину. <...> Застаю у него гостей, только что вставших из-за обеда. Дамы ни одной! Григорович, Маслов, Плющик, Немирович, Черниговец²⁶ и Чехов, сегодня только приехавший из Москвы. На этот раз он не остановился у Сувориных, а где-то в гостинице, чтобы ему не мешали писать. Суворин едет с ним на бенефис Яворской²⁷.

5 января. Вечером была у Суворина. <...> Успех «Принцессы Грезы» мало его радует. Чехов над этой принцессой издевается. Говорит, что это романтизм, битые стекла, крестовые походы. Про Танечку Куперник, стихами которой все восхищаются, говорит:

— У нее только 25 слов. Упоенье, моление, трепет, лепет, слезы, грезы. И она с этими словами пишет чудные стихи. Яворскую в «Принцессе Грезе» он называет прачкой, которая обвила себя гирляндами цветов. <...>

Гнедич²⁸ приехал спросить, когда идет моя пьеса. Павильон еще не заказан и декорацию последнего акта не начинали писать. Он при мне пишет декоратору Панаевского театра, не возьмется ли он.

Я, услышав это, говорю Чехову:

— Антон Павлович, не давайте никогда пьес в Малый театр²⁹. Утопят! Показывается ненадолго сын Суворина, Леля. Чехов уехал в ресторан на сходку³⁰. Там будет он, Потапенко, Мамин-Сибиряк, Амфитеатов. Суворин жалеет, что не может с ними ехать.

— А вы отличный товарищ, — говорит Чехов. — Вы за всех платите.

11 января. Памятный для меня день. Завтра первое представление, а я до 12 часов ночи не знала, идет моя пьеса или нет³¹. На репетиции вышел скандал. Яворская не явилась и прислала письмо, что если пьесе не отложат, то чтобы передавали ее роль другой. Это накануне первого представления на генеральной репетиции и после того, как она вчера, извиняясь передо мной, что она не знает роли, уверяла, что она вечером ее выучит, чтобы я была спокойна. Все актеры собрались и ждут, чем это кончится. Карпов³² вне себя, задыхается от злости, говорит, что ему совестно передо мной. Послали за Сувориным, велели разбудить его. Тот приехал, и с ним <...> Чехов. Суворин так взбешен, что в первую минуту готов Яворскую выгнать, прямо выгнать из труппы. Садится писать ей письмо. <...> Никто не может решить, как теперь быть. <...> А Суворин все пишет. Рвет бумагу и пишет. Наконец не хватает бумаги. Чехов говорит, что ни один фельетон он так долго не писал, как это письмо. <...> Чехов предлагает поехать к ней для переговоров. Это отвергнуто. Карпов предлагает отдать роль Холмской³³ и посылает за ней, не дождавшись моего согласия. Но от Холмской ответ, что она больна <...> А Суворин все пишет. Чехов ему диктует. Я слышу фразу «вы обидите автора и товарищей, если не приедете». Я протестую, говорю, что такие любезности писать нельзя <...>. Наконец письмо забраковано, и Суворин под мою диктовку пишет другое: «Пьеса должна идти завтра. Прошу вас заняться ролью и завтра в 11 часов пожаловать на репетицию». Послали письмо и ждем ответа. <...> Наконец ответ приходит: «Ваше приказание

исполню, играть завтра буду». Посланный говорит, что его два раза вернули с лестницы. Суворин сразу отошел и уехал с Чеховым домой.

12 января. Первое представление моего «Муравейника» в Малом театре. Сбор неполный, успех тоже неполный, хотя вызвали меня раз десять. <...> Второе действие, на которое я больше всего возлагала надежд, тоже прошло холодно. Иду курить в режиссерскую. Чехов хвалит мне пьесу. Я так тронута, что готова броситься ему на шею. Успех начался с третьего акта <...> Меня почти силой вытащили из режиссерской на сцену. В ложу и режиссерскую приходила тьма знакомых <...> Чехов, Кугель, Карабчевский, Лебедев ³⁴, Суворин, всех не припомню.

31 января. Прочла чеховскую «Ариадну» ³⁵. Не важно. Должно быть, какая-нибудь жестокая женщина насолила ему, а он, чтобы облегчить свою душу, описал ее. <...>

В 10 часов Чехов поехал к Яворской, а мы с Сувориным в Малый театр на последнее представление моего «Муравейника».

2 февраля. ...едем в залу Павловой. Застаем 3-й акт назарьевской «Правды» ³⁶. Это Гамлет, переложенный на русские нравы. <...> На эту ерунду в последнем акте приехали Суворин с Чеховым. Их появление произвело эффект. Началось зрелище еще более печальное — чествование калеки Костромитинова ³⁷. За опущенной занавесью шум и смятение. Я хотела бежать за сцену, думала, что кого-нибудь ушибло декорацией. Но занавес поднимается и разбитому параличом старику читают стихи, говорят речи. Чехову кажется, что он в Кременчуге. Потом длиннейший антракт <...>

Наконец в первом часу играют «Молчание». Любочка ³⁸ бледна, неинтересна, платье со сцены не хорошо, пьеса не имеет успеха. Николай, ожидавший чего-то блистательного, сидит сам не свой. Каждый промах дочери ему нож в сердце <...> Любочка, по его мнению, играла отвратительно. Суворин говорит, что очень мило, но что она не умеет еще держаться и не умеет сердиться.

— Этому ей надо бы у мамыши поучиться.

Чехов просит ей передать, что он все руки отхлопал.

6 февраля. Ответный обед Жулевой ³⁹. Затягли его для чего-то за городом у Эрнеста; три четверти часа качка в карете. И зала холодная, бывшая дача Вяземского. <...> Речей за обедом мало: приветствие Давыдова, шутка Погожева ⁴⁰ <...> Моими соседями за столом были два Аякса: Карпов и Молчанов ⁴¹. Напротив сидела Любочка между Сувориным и Чеховым. <...> Он <Суворин> лобызается с Сигмой, которому нельзя подавать руки <...> Оплеван(ный) Сигма пригрет Сувориным. Чехов этим возмущается. На сегодняшней обед беллетристов Сигма рассылает приглашения. Чехов думает, что никто не пойдет и что обеды эти погибли ⁴².

13 февраля. Суворин нынче уезжает с Чеховым в Москву. С ними едут две актрисы: Холмская и Никитина ⁴³.

3 июня. Цензура не пропускает чеховскую «Чайку» ⁴⁴. Чехов в меланхолии, Суворин тоже. Одному обидно за пьесу, другой жалуется на немощи и старость. <...> Ходили на Ваганьково смотреть могилы задавленного на Ходынке народа ⁴⁵.

9 октября. Наши все в «Гибели Содома» ⁴⁶. <...> Видели там Чехова. Он пришел смотреть нашу труппу, с которой очень мало знаком. Прошлую зиму он все ходил в Малый театр.

12 октября. Савина ушла из «Чайки», поняла, что она стара для этой роли и что даже в труппе все смеются, что она играет младенцев. Чайку будет играть Комиссаржевская. Савина взяла было роль у Читау, но узнав, что та в обиде, вернула ее ⁴⁷.

15 октября. Была на репетиции «Чайки», забраковала грим Николая — седую голову с рыжей бородой ⁴⁸, сам по себе он хорош, но для этой роли

не годится. Репетиция без автора, без декорации и без одного актера. Писарев ⁴⁹ болен, — а послезавтра первое представление. Конец еще не сложен, пьеса идет чуть ли не с трех репетиций. Давыдов ⁵⁰ и Николай защищали Комиссаржевскую от Карпова, который по своей неопытности заставлял ее вести главную финальную сцену у задней кулисы, загородивши ее столом. Давыдов уверяет, что это говорящая голова. Много было разговоров о том, можно ли в простыне выходить на авансцену. Карпов подсел ко мне, но когда я ему сказала, что пьеса плохо сработана, ушел и больше не возвращался.

Званный обед с актерами и Кривенками. Звали Чехова, но он не пришел.

17 октября. Неслыханный провал «Чайки» ⁵¹. Пьесу ошпикивали, ни разу не вызвав автора. И это после успеха Пашенек и Нотовичевской гали-матьи ⁵². Одного из лучших наших беллетристов, Чехова, освистали как последнюю бездарность. Публика была какая-то озлобленная, говорила — что это черт знает что такое, скука, декадентство, что этого даром смотреть нельзя, а тут деньги берут. Кто-то в партере объявил: «с'est de Meterlink». В драматических местах хохотали, все остальное время кашляли до неприличия. Ума, таланта публика в этой пьесе не разглядела. Акварель ей не годится. Дайте ей маляра, она поймет. Ее мрачного, безнадежного колорита публика не поняла, а кричала: скучно! непонятно! Самый треск этого провала на сцене, где всякая дрянь имеет успех, говорит в пользу автора. Он слишком талантлив и оригинален, чтобы тягаться с бездарностями.

Чехов все время скрывался за кулисами, в уборной у Левкеевой, а после конца исчез ⁵³. Суворин тщетно искал его, чтобы успокоить его сестру, которая сидела в ложе. Перед началом он был только нервен, но еще полон надежд. Сам повязывал Надежде голову белым, когда она вышла тенью ⁵⁴.

Чествование Левкеевой за 25 лет прошло как всегда с речами, подношениями, поцелуями товарищей и слезами бенефициантки <...> Освиставши нашего лучшего после Толстого писателя, публика неистово хлопала посредственной актрисе.

18 октября. Суворин приезжал к Карпову переговорить о чеховской «Чайке» ⁵⁵. Он сваливает вину на актеров. Просит, чтобы Сазонов играл погорячее. Николай ответил Карпову, что не видит в роли данных, чтобы играть ее горячо.

21 октября. Второе представление «Чайки» — полный успех ⁵⁶. Вызывали актеров и автора. Но автор на другой же день после провала уехал из Петербурга с первым товаро-пассажирским поездом ⁵⁷.

1897

3 января. В шекспировском обществе Боборыкин сделал скандал Урусову за то, что тот в своем реферате превознес чеховскую «Чайку» ⁵⁸. Боборыкин имени Чехова не может слышать.

— А мы что же! — подскочил он к Урусову. — Мы, значит, все посредственности!

— Позвольте, а я об вас и не говорил совсем.

— Вот именно, вы об нас не говорили... Мы значит не существуем ⁵⁹.

28 марта. Чехова Суворин оставил в Москве, в клинике. У него кровь горлом пошла. Доктора хоть и уверяют, что это кровь геморроидальная, но все-таки положили в клинику ⁶⁰.

23 апреля. За «Мужиков» в «Новом времени» два хвалебных фельетона Чехову ⁶¹. Потапенко его выше Толстого ставит. Это звучит как похоронный звон. Должно быть, он очень плох, и они его отпевают. Действительно, говорят, что дни его сочтены.

3 мая. Суворин на свою телеграмму о каком-то издании получает от Чехова ответ: «Согласен. Буду в конце мая. Женюсь на богатой красивой вдове. Беру 400 тысяч, два парохода и железодельный завод». Суворин ему телеграфирует: «Благодарим за согласие. Находим, что приданого мало. Просите еще бани и две лавки. Маслов женился, взял 800 тысяч»⁶².

12 июля. Сам он <Суворин> сидит в городе, ожидая Буренина и Чехова. Буренин должен сменить его в газете, а с Чеховым он хочет ехать за границу⁶³.

1899

21 июля <Ялта>. На набережной встретила Чехова. Он постарел и выглядит не знаменитым писателем, а каким-то артельщиком. Говорит, что он тут в ссылке, приговорен на всю жизнь проводить тут зиму. Где-то около мечети у него дача тут строится, за Лиманами есть другая дача — три десятины земли с садом и домиком. Говорил, что продался Марксу, получил за это 75 тысяч⁶⁴. Хвалит французов, ругает русских. Он был во Франции во время процесса Золя, французская интеллигенция ему очень понравилась. О Суворине и нововременцах отзывается не особенно сочувственно⁶⁵. Говорит, что он всех там боится, Буренина боится, Сигму боится. Звали его к себе, но он не мог с нами пойти, ждет какую-то даму, чтобы вместе с ней пообедать.

24 июля. Чехов с московской актрисой, которая играла у него в «Чайке», поехал в Массандру⁶⁶.

26 июля. Обедали в городском саду и весь обед слушали ужасное пение какой-то барыни, которая увечила романс Полины из «Пиковой дамы». Такого фальшивого голоса я никогда еще не слыхала. После дождя в саду обеденные столы сушатся. Все обедают на террасе <...>. Встретили там Чехова, который подсел к нашему столу. Он ходит в серых штанах и отчаянно коротком синем пиджаке. Жалуется, что зимою в Ялте его одолевают посетители. Он нарочно поселился подальше, чтобы меньше к нему ходили, но и это не помогает. Придет какая-нибудь барыня за пожертвованием на бедных, получит рубль и сидит. Спрашивает: «Не скучаете ли вы здесь? Чем вы нас подарите?» Потом сидит и молчит. Сам Чехов не из разговорчивых. Как Люба ни старалась его занимать, оживленного разговора не вышло. Он или нехотя отвечает, или начинает изрекать, как Суворин: «Ермолова плохая актриса, она не интеллигентна, от нее Москвой несет... Федотова лучше. Если актриса не играет в комедии, она не актриса. Горький хороший писатель, у него доброты много. Энгельгардта⁶⁷ нельзя читать, потому что он полон злобы». Я заметила, что его нельзя читать не потому, что у него злобы много, а потому, что у него таланта нет. «Нет, главное не талант, а доброта. Наша русская злость лишена всякого таланта. Это просто болезнь печени».

30 июля. Видела на набережной Чехова. Сидит сиротой на скамеечке.

31 июля. Уехали из Ялты <...> Люба ждала, не сядет ли в Бахчисарае Чехов, но увы! он остался там должно быть ночевать⁶⁸.

1900

7 февраля. Прочли чеховскую повесть «В овраге». Это одна из лучших его вещей. Он давно уж такой сильной вещи не писал⁶⁹.

23 марта. В Ялте Николай был у Чехова, Чехов был у него⁷⁰.

24 июня. Два письма от Николая — мне и мамаше. Чехов похвалил его именье, долго сидел на камне, потом, вздохнув, сказал: «Все бы так сидел тут и любовался».

9 июля. Чехов от гостей уезжал в Керчь⁷¹.

19
20 февраля 1889

Кабинет будущего министра финансов Михаила Чехова.

Михаил Алексеевич Седетский, подравенный Василем по сроду, с двенадцати часов, касаясь и мучающийся. После казенной для меня оубраженности: посетил учебной ночи в 10 часов вечера в 10 1/2 часов утра и спал до 12 часов вечера. Утром встал в 6 часов утра и сел за работу, а затем сам и переписал. Утром в 10 часов утра, по своему желанию, сел за работу, а затем переписал. Утром в 10 часов утра, по своему желанию, сел за работу, а затем переписал.

ПИСЬМО ЧЕХОВА А. С. СУВОРИНУ

Автограф. 20 февраля 1889 г. (фрагмент)

Вверху — рисунок М. П. Чехова «Кабинет будущего министра финансов Михаила Чехова», изображающий его комнату в доме на Садово-Кудринской улице (Москва)

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

1901

1 марта. Смотрели чеховскую драму «Три сестры»⁷². Московская труппа решительно производит революцию в драматическом искусстве. После ее представлений по старому пути нельзя больше идти. Казенную рутину надо оставить. Петербургская публика каждый вечер устраивает овации Станиславскому. После конца молодежь в шубах бросается к рампе, вскакивает на стулья. Впечатление то же, как в «Дяде Ване». Нас приводят в чужой дом и вскрывают нам до мелочей всю его будничную жизнь. Мы вместе переживаем все ее горести и радости. Ведут нас в спальную, в сад, за чайный стол. Мы видим, как они влюбляются, женятся, изменяют, задыхаются в этой серенькой жизни. Видим их днем и ночью, зимой и летом. Одна и та же декорация. В первом акте летний день. Балкон открыт, птицы поют, все залито солнцем. Во втором зимний вечер. Дверь на балкон заколочена и обита войлоком. В комнате темно. На улице едут под окном с колокольчиком. Это катанье на маслянице. И все так идет, как в жизни. Никто не читает монологов у суфлерской будки. Одно только для меня необъяснимо: зачем был в пьесе пожар? Он никакого отношения к драме не имеет. Больше всех потрясла драма Е. В.⁷³ Она ушла из театра вся в слезах. История Маши с артиллерийским полковником — это ее собственная история. Когда батарею переводят в другой город, и полковник уезжает и Маша бьется в рыданиях на крыльце, Е. В. представила себе, что так когда-нибудь уедет Ионов, и рыдать в одиночестве будет она. Ионов был в театре. Тут тоже драма, ему пришлось сидеть не с женой, а с мужем. Кривенко сам темнее ночи и не пустил жену сесть рядом с Ионовым.

4 марта. Николай прочел чеховские «Три сестры» и говорил, что если б эту пьесу представили в Комитет, когда он был там членом, то он бы не пропустил ее, так она плоха.

26 марта. Николай пишет, что Чехова, пожалуй, ждет участь Надсона⁷⁴. Его уморит чахотка и буренинские пародии⁷⁵. Да еще кто-то порадел ему — напечатал в газетах, что он будто бы у себя на даче предлагает даровое помещение всем школьным учителям, приезжающим в Крым⁷⁶. Чехов в отчаянии и решил ехать в Батум, как только появится хоть один учитель. Николай ездил с ним в свое имение, приглашен к нему пить чай.

29 марта. Николай вернулся из Крыма. <...> Утешал там Чехова, когда его обругали в «Новом времени». Буренинская пародия на «Трех сестер» сильно огорчила Чехова. Он должен был ехать с Николаем в Ай-Николу, прислал сказать по телефону, что не может.

— Полноте! Отчего вы не можете? — говорил ему Николай тоже по телефону. — Поедите! Я вас жду.

— Не могу... У меня дамы.

— Знаю я этих дам! Это девять сестер. Вы прочли «Новое время»⁷⁷.

Стал его стыдить, подбодрил и уговорил ехать.

У Чехова во дворе стережет дом не собака, а журавль. Ручной журавль ходит ночью по двору и поднимает крик, ежели придет чужой. Чехов напугал старуху, которая у них живет на покое⁷⁸ и обожает этого журавля. Показывает на Николая и говорит: «Бабушка, вот они хотят купить у меня журавля. Дают десять целковых. Я думаю продать». Старуха напугалась.

1902

30 октября. Федоров <...> пришел с радостной новостью, что Чехов расхвалил его «Стихию»⁷⁹, хочет ее ставить у Станиславского <...> После провала «Старого дома» он, по его словам, жаждет выдержать переэкзаменовку.

15 ноября. Первое представление возобновленной «Чайки»⁸⁰. Успеха она не имела. Было скучно, томительно. Играли по-станиславски, с паузами, с настоящей травой в саду. Комнаты ставили углом, амфиладой, с арками. Первое действие играли в такой темноте, что ни одного лица не было видно. И если хотели передать, как скучно жить в деревне, то этого достигли вполне. Несколько лет тому назад, когда пьеса провалилась, она исполнялась гораздо лучше. Теперь была хороша только Савина, да пожалуй Санин и Ходотов. Селиванова в первых актах подкупала своим голосом и фигуркой, но в конце у нее пороку не хватило. Лучшая сцена пропала. Было много всхлипываний, рыданий, она металась по сцене, но чувства ни на грош. Варламов, которого возили на кресле, как беспомощного старика, как ни старался говорить тенором, а нет-нет да и даст полный голос, свой варламовский голос. Вместо него говорил шепотом Шувалов, игравший беллетриста.

1903

6 мая. Другое письмо от Чехова <Иллариону Кривенко>, он сам мне показывал. Чехов советует ему чем-нибудь заняться, химией или биологией⁸¹.

1904

3 июля. Печальное известие! Чехов умер. <...> О Чехове мы только что на днях читали в газетах, что ему лучше.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Одноактная пьеса-шутка Чехова «Медведь» была напечатана в «Новом времени», 1888, № 4491, 30 августа, за подписью: А. П.

² «Медведь» был поставлен 27 ноября 1888 г. на музыкально-драматическом вечере, устроенном с благотворительной целью у министра финансов И. А. Вышнеградского. Роли исполнили: М. Г. Савина (Попова), Н. Ф. Сазонов (Смирнов), К. А. Варламов (Лука).

³ А. И. Суворина (1858—1936) — вторая жена А. С. Суворина.

⁴ Второй раз «Медведь» был поставлен 15 декабря 1888 г. в помещении министерства иностранных дел на музыкально-драматическом вечере, устроенном женой дипломата А. Ф. Гамбургера в пользу Красного креста.

⁵ Письма В. Н. Давыдова Чехову, в котором бы он просил дать ему роль в «Медведе», в архиве Чехова нет.

⁶ По-видимому, пьеса читалась в первой измененной редакции. О том, что Давыдов (игравший уже роль Иванова, когда пьеса в ее первоначальном виде шла в 1887/88 г. в театре Корша), «по слухам», не хочет играть Иванова, — Чехову телеграфировал Суворин в начале января 1889 г. На запрос Чехова Давыдов ответил 15 января: «Относительно моего участия в вашей пьесе «Иванов», скажу вам, что я с величайшим удовольствием боуду играть в ней всякую роль, какую бы вы мне ни назначили: пьеса мне очень нравится, и я от всей души желаю, по мере моих сил, способствовать ее успеху» (ГБЛ, ф. 331. 42.1). И только после того, как Давыдов ознакомился с вторичной переработкой роли Иванова, он писал Чехову 22 января: «...я еще несколько раз прочитал роль Иванова в новой редакции и положительно не понимаю его теперь». Он просил Чехова оставить Иванова, каким он был в первой переделке, — «иначе я его не понимаю, и боюсь, что провалю» (там же). Но, прочитав последнюю редакцию пьесы в целом (а не только роль Иванова), и после второй личной беседы с Чеховым о роли Иванова Давыдов уже больше не колебался и с большим успехом исполнял эту роль.

⁷ В первый раз пьеса «Иванов» — в новой редакции — была поставлена 31 января 1889 г. в бенефис режиссера Александринского театра Ф. А. Федорова-Юрковского. Спектакль прошел с большим успехом.

⁸ 9 октября 1889 г. П. М. Свободин читал новую пьесу Чехова «Леший» неофициальному театральному комитету, в составе директора Александринского театра И. А. Всеволожского, писателя Д. В. Григоровича, заведующего репертуаром Александринского театра А. А. Потехина и артиста Н. Ф. Сазонова. Пьеса была признана не подходящей для постановки на сцене. 11 октября Свободин писал В. М. Лаврову: «Леший», которого я жаждал поставить в бенефис мой, не годится по мнению импровизированного комитета (директор, Григорович, Потехин, Сазонов и я) потому, что в нем нет крыловских эффектов, пережеванных положений и лиц, глухих, бездарных пошлостей, наводняющих Александринскую сцену. Он скучен, растянут и странен, как и все даровитое и глубокое, перед судом ничего не смыслящих людей. Я и сам скажу, как говорил тебе в Москве еще, что «Леший» не комедия по форме, но живые лица, живые речи и характеры таковы, что вся александринская дребедень не стоит и половины пьесы Чехова. Несценичность, в угоду которой расплодилось столько драматических мастеров, поставлена тут также в число недостатков пьесы. Все это вместе — огорчение Чехова, мои труды и хлопоты, пропавшие даром, заставили меня отказаться от бенефиса, я уступил свое время Варламову» (ЦГАЛИ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 189).

⁹ Когда в «Новом времени» печаталась «Дуэль», Чехову писал брат Александр Павлович: «Никогда на твою голову не падало столько ругани, сколько теперь — после того, как твоя «Дуэль» заняла фельетоны вторников и сред» («Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова». М., 1939, с. 249). Чехов ответил ему 24 октября 1891 г.: «Печатают меня по средам и вторникам или вовсе не печатают, — для меня решительно все равно. Отдал я повесть, потому что был должен «Новому времени», и если бы не последнее обстоятельство, то повесть моя печаталась бы в толстом журнале, где она вошла бы целиком, где я больше бы получил и где не было бы жужжанья моих уважаемых товарищей <...> Попроси Суворина, чтобы он отдал среды — разве они мне нужны? Они мне так же не нужны, как и мое сотрудничество в «Новом времени», которое не принесло мне, как литератору, ничего кроме зла» (ПССП, т. XV, с. 256).

¹⁰ Это было письмо Чехова А. С. Суворину от 25 ноября 1892 г. (там же, с. 445—447). Запись Смирновой подтверждает, что Суворин совершенно не понял главного в этом очень важном для творческого самосознания Чехова письме: его гневного осуждения литературы бескрылой, лишенной больших идей, не способной звать людей к лучшему будущему, к жизни, «какая должна быть».

¹¹ О прочитанном письме Смирновой Чехов написал Суворину 3 декабря 1892 г. (см. об этом в предисловии к настоящей публикации).

¹² Суворин читал «Рассказ неизвестного человека» в корректуре, привезенной Чеховым в Петербург.

¹³ Суворин писал в воспоминаниях о Чехове: «Его мало интересовало искусство, статуи, картины, храмы, но тотчас же по приезде в Рим ему захотелось за город, поехать на зеленой траве. Венеция захватывала его своей оригинальностью, но больше всего жизнью, серенадами, а не дворцом дождей и проч. В Помпее он скучно ходил по открытому городу — оно и действительно скучно, но сейчас же с удовольствием поехал верхом на Везувий, по очень трудной дороге, и все хотел поближе подойти к кратеру» («Новое время», 1904, № 10179, 4 июля).

Писал он об этом и Григоровичу, который, защищая Чехова, ответил: «Венеция и Флоренция и т. д. — ничего больше, как скучные города для человека даже умного <...> кроме того, Чехов принадлежит к поколению, которое заметно стало отклоняться от Запада и ближе присматриваться к своему...» («Письма русских писателей к

А. С. Суворину». Л., 1927, с. 31). Это письмо Григоровича Суворин отослал Чехову, а 27 мая 1891 г. Чехов ответил ему: «Надо быть быком, чтобы, приехав первый раз в Венецию или во Флоренцию, стать «отклоняться от запада». В этом отклонении мало ума. Но желательно было бы знать, кто это старается, кто оповестил всю вселенную о том, что будто за граница мне не понравилась? Господи ты боже мой, никому я ни одним словом не заикнулся об этом. Мне даже Болонья понравилась. Что же я должен был делать? Реветь от восторга? Бить стекла? Обниматься с французами? Идей я не вывез, что ли? Но и идеи, кажется, вывез. Ваша статья об ипподроме больше моя, чем ваша, ибо я вам все уши прожужжал про эту новую форму театра» (*ПССП*, т. XV, с. 209).

¹⁴ «Остров Сахалин» печатался в «Русской мысли» с октября 1893 г. В ноябрьской книжке, помимо продолжения «Острова Сахалина», была напечатана статья В. А. Гольцева «Социология на экономической основе». Но главная причина полученного «предостережения» заключалась именно в «Острове Сахалине» — об этом свидетельствует письмо В. А. Гольцева Чехову от 12 ноября 1893 г.: «М. Н. Галкин-Враский пожаловался Феоктистову, не знаю, за что именно. Теперь все прошло благополучно. Пришла телеграмма не задерживать книжки» (ГБЛ, ф. 77.10.37). О жалобе М. Н. Галкина-Враского начальнику Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистову, в результате которой ноябрьская книжка «Русской мысли» «была задержана дня на три», см. письмо Чехова Суворину от 25 ноября 1893 г. (*ПССП*, т. XVI, с. 103). В «Русской мысли» было напечатано 19 глав «Острова Сахалина» (1893, № 10—12; 1894, № 2, 3, 5—7), затем публикация была остановлена цензурой. Отдельным изданием (в полном составе — гл. I—XXIII) книга вышла в 1895 г. Подробно о цензурной истории «Острова Сахалина» см.: *ПССП*, т. X, с. 308, 425—426.

¹⁵ Рассказ Чехова «Бабье царство» напечатан в «Русской мысли», 1894 г., кн. 1. В литературе о Чехове нет указаний, которые подтверждали бы это мнение Смирновой. Вопрос об источниках «Бабьего царства» исследован в статье: П. С. Попов. Проблемы «Бабьего царства» (сб. «В творческой лаборатории Чехова». М., «Наука», 1974, с. 202—207).

¹⁶ Это была вторая поездка Чехова за границу. Были в Вене, Аббадзи, Триесте, Фиуме, Венеции, Милане, Генуе, Ницце, Париже.

¹⁷ Чехов писал в это время повесть, названную им «Три года».

¹⁸ В записной книжке Чехова имеется текст телеграммы, которую он послал или предполагал послать в связи с появившимися осложнениями при получении заграничного паспорта: «Благоволите донести Одесскому градоначальнику об неимении препятствий отъезду за границу» (*ПССП*, т. XII, с. 286).

¹⁹ Василий Сильвич *Кривенко* (1854—1928) — журналист, театральный критик, сотрудник «Нового времени». Был председателем Совета Русского театрального общества в 1898—1900 гг.

²⁰ Константин Аполлонович *Скальковский* (1843—1906) — директор Горного департамента, журналист, сотрудник «Нового времени».

²¹ Вечером 9 февраля у Н. А. Лейкина были, кроме Чехова, И. Н. Потапенко, М. Н. Альбов, К. С. Баранцевич, А. С. Лазарев-Грузинский и Л. А. Авилова (см.: Л. А. А в и л о в а. Чехов в моей жизни. — В сб.: «Чехов в воспоминаниях современников». М., 1960, с. 220).

²² Дело Ольги Палем слушалось Петербургским окружным судом с 14 по 18 февраля 1895 г. Ольга Палем в течение нескольких лет была в близких отношениях со студентом-путейцем Александром Довнармом, который обещал жениться на ней по окончании института, а затем решил совсем порвать с ней. На последней встрече в номере гостиницы Палем выстрелила в него, а затем в себя. Убив его, сама она оказалась только раненой. Палем, которую на суде защищал Н. П. Карабчевский, была оправдана. Но после пересмотра дела кассационной инстанцией этот приговор был отменен. При новом рассмотрении суд признал Палем виновной в убийстве, совершенном в запальчивости и раздражении, и с учетом этого обстоятельства приговорил ее к тюремному заключению на десять месяцев.

²³ Алексей Алексеевич *Суворин* (1862 — 1937) — сын А. С. Суворина. С конца 1880-х годов вместе с отцом руководил «Новым временем».

²⁴ Дружеские отношения Чехова с Л. С. Мизиновой, с которой он познакомился в конце 1889 или начале 1890 г., продолжались много лет. Известны 67 писем Чехова к Мизиновой с 1891 до 1900 г. (см.: *ПССП*, т. XV—XVIII). В архиве Чехова сохранилось 98 писем к нему Мизиновой за те же годы (ГБЛ, ф. 331. 52.2). Об отношениях Чехова с Мизиновой см.: Л. П. Г р о с м а н. Роман Нины Заречной (сб. «Прометей», т. 2. М., 1967); Г. П. Б е р д и к о в. Чехов. М., «Молодая гвардия», 1974, с. 346—356.

²⁵ Это была первая редакция «Чайки». 21 ноября 1895 г. Чехов писал Суворину: «Ну-с, пиесу я уже кончил <...> Хотя это только еще остов пьесы, проект, который до будущего сезона будет еще изменяться миллион раз, я все-таки заказал напечатать 2 экземпляра на ремингтоне <...> — и один пришлю вам. Только вы никому не давайте читать» (*ПССП*, т. XVI, с. 285—286). Как явствует из записи Смирновой, эту просьбу Чехова Суворин не выполнил.

²⁶ Алексей Николаевич *Маслов* (псевд. Бежецкий; 1852 — ?) — писатель; Яков Алексеевич *Плющик-Плющевский* (1845—1916) — чиновник Министерства иностранных дел, один из директоров театра Литературно-артистического кружка; Василий Иванович *Немирович-Данченко* (1848—1936) — писатель; Федор Владимирович *Черниговцев* (Вишневский, 1838—1916) — журналист.

²⁷ 4 января 1896 г. в бенефис Л. Б. Яворской в театре Литературно-артистического кружка была поставлена пьеса Э. Ростана «Принцесса Греза», в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник.

²⁸ Петр Петрович *Гнедич* (1855—1926) — писатель, историк искусства. В 1896—1900 гг. — управляющий труппой театра Литературно-артистического кружка.

²⁹ Имеется в виду театр Литературно-артистического кружка, спектакли которого некоторое время происходили в здании петербургского Малого театра.

³⁰ В данном случае под «сходкой» подразумевалась товарищеская встреча писателей.

³¹ Пьеса «Муравейник», премьера ее состоялась 12 января 1896 г.

³² Евтихий Павлович *Карпов* (1857—1926) — драматург и театральный режиссер, в 1896—1900 гг. главный режиссер Александринского театра.

³³ Зинаида Васильевна *Холмская* (1866—1936) — артистка театра Литературно-артистического кружка.

³⁴ Александр Игнатьевич *Лебедев* (1826—1898) — художник.

³⁵ Рассказ «Ариадна» напечатан в «Русской мысли», 1895, кн. 12.

³⁶ «Зал Павловой» был открыт в 1887 г. на Троицкой ул., д. 13 (ныне ул. Рубинштейна). Его владелица А. И. Павлова сдавала зал внаем под театральные спектакли, концерты, балы и т. п. 2 февраля 1896 г. в зале Павловой в Петербурге были поставлены комедия К. В. Назарьевой «Правда» и водевиль В. В. Билибина «Молчание».

³⁷ Николай Иннокентьевич *Костромитинов* (1834—1900) был учредителем и бесшумным (в течение 10 лет) председателем столичного артистического кружка — до его реорганизации в 1895 г. в Литературно-артистический кружок. Затем — был учредителем Драматического кружка любителей, помещавшегося в зале Павловой.

³⁸ Любовь Николаевна *Шувалова* (1878—1920) — дочь Сазоновых, артистка Драматического кружка любителей, а с 1898 г. Александринского театра.

³⁹ 6 февраля 1896 г. состоялся подписной обед в честь артисток Е. Н. Жулевой и Е. А. Сабуровой.

⁴⁰ Владимир Петрович *Погожев* (1851—1935) — управляющий Петербургской конторой императорских театров в 1882—1900 гг.

⁴¹ Анатолий Евграфович *Молчанов* (1856—1921), редактор «Ежегодника императорских театров» (1892—1899), вице-президент Русского театрального общества (1902—1917).

⁴² Сигма — псевдоним Сергея Николаевича *Сыромятникова* (1864—1934), постоянного сотрудника «Нового времени». Резко отрицательное отношение Чехова (как и многих других передовых литераторов) к Сыромятникову определялось и его крайней реакционностью, и литературной нечистоплотностью: сохранились свидетельства Короленко о его недостойных с точки зрения писательской этики поступках (см.: *ЛН*, т. 68, с. 523—524 и 526). По данным архива Сыромятникова, часть которого находится в ЦГАЛИ (новое поступление), он с 1906 г. стал негласным редактором газеты «Россия», органа министерства внутренних дел; это назначение исходило от П. А. Столыпина, которому Сыромятников был «лично известен». В 1911 г., поздравляя его с пятилетием «России», Столыпин писал, что «в годину лихолетия она [газета] с успехом боролась с антиправительственными выступлениями левой печати» (сообщено В. П. Нечаевым).

В 1909 г. В. И. Ленин назвал «Россию» «полицейски-продажной газетой» (В. И. Ленин и н. Полн. собр. соч., 5 изд., т. 19, с. 55).

⁴³ Александра Павловна Никитина — артистка театра Литературно-артистического кружка, а с сентября 1896 г. Александринского театра.

⁴⁴ Е. П. Карпов писал А. С. Суворину 14 июня 1896 г.: «Вчера, приехав в город, узнал о запрещении цензурой пьесы Чехова «Чайка» и тотчас же отправился к Литвинову. Он говорит, что и не думал запрещать пьесу, а хотел бы только, чтобы Чехов несколько «газировал» (его подлинное выражение) отношения сына к матери по поводу ее сожительства с беллетристом <...>. Литвинов советует Чехову написать в Главное управление, в отделение драматического цензуры, чтобы ему возвратили рукопись для некоторых исправлений, а затем вновь ее представить в цензуру...» (ГБЛ, ф. 331.47.21).

⁴⁵ Запись в дневнике Чехова: «1-го июня были на Ваганьковском кладбище и видели там могилы погибших на Ходынке» (*ЛССП*, т. XII, с. 333). «На Ваганьковском кладбище был с Чеховым, неделю спустя после катастрофы. Еще пахло на могилах. Кресты в ряд, как солдаты в строю, большей частью шестиконечные, сосновые. Рылась длинная яма, и гробы туда ставились друг около друга. Нищий говорил, что будто гробы ставились друг на друга, в три ряда» («Дневник А. С. Суворина». М., 1923, с. 112).

⁴⁶ 9 октября 1896 г. в Михайловском театре шла драма Г. Зудермана «Гибель Содомы».

⁴⁷ М. Г. Савина писала Е. П. Карпову: «Прочтя еще раз ночью пьесу, перечитав несколько раз роль Нины, я решила, что не могу играть эту роль... Мне очень неприятно огорчать отказом автора и бенефициантку, и, если нужно, я готова сыграть Машу» (Евт. К а р п о в. История первого представления «Чайки». — В сб.: «О Чехове». М., 1910, с. 66). В интервью, данном сотруднику «Петербургской газеты» (1910, № 16, 17 января), Савина рассказала: «...чтобы доказать, что я желаю играть в пьесе Чехова, я просила дать мне третьестепенную роль Маши, дочери управляющего. Но и тут вышла неудача: актриса, которой поручили эту роль (Читау), ни за что не хотела ее уступить даже для одного раза».

⁴⁸ Н. Ф. Сазонов исполнял в «Чайке» роль Тригорина.

⁴⁹ М. И. Писарев исполнял в «Чайке» роль Дорна.

⁵⁰ В. Н. Давыдов исполнял в «Чайке» роль Сорина.

⁵¹ Первый спектакль «Чайки» в Александринском театре, как известно, кончился провалом, о чем сохранилось много свидетельств современников, присутствовавших на спектакле. Один из них, драматург и критик С. В. Танеев, на статью которого в журнале «Театрал» (1896, кн. 45) ссылается в своем дневнике Чехов, писал, что «это было какое-то издевательство над автором и артистами, какое-то неистовое злорадство некоторой части публики, словно зрительный зал переполнен был на добрую половину злейшими врагами Чехова. Представление «Чайки» шло буквально под аккомпанемент шикарья, свистков, хохота, крика «довольно»».

18 и 19 октября в петербургских газетах появились рецензии на премьеру «Чайки». В анонимной заметке газеты «Новости» (№ 288, 18 октября) сообщалось, что «такого головокружительного провала, такого ошеломляющего фиаско» не испытывала ни одна пьеса. В этой же газете (№ 289, 19 октября) напечатана рецензия Н. А. Селиванова уже не на спектакль, а на пьесу, которая, по его словам, «производит впечатление какой-то творческой беспомощности, литературного бессилия лягушки, раздутой в вола». В «Биржевых ведомостях» (№ 288, 18 октября) И. И. Ясинский, подписавшийся буквой: Я, выразился о пьесе так: «Это не чайка, а просто дичь». В «Петербургском листке» (№ 288, 18 октября) анонимный рецензент писал, что «Чайка» — «очень плохо задуманная, неумело сконпонованная пьеса с крайне странным содержанием, или, вернее, без всякого содержания. От каждого действия веяло отчаянной скукой, фальшью, незнанием жизни и людей». В «Петербургской газете» (№ 288, 18 октября) А. Кугель (Ното повус) писал, что «Чайка» производит «удручающее впечатление».

На защиту пьесы выступил А. С. Суворин («Новое время», № 7416, 19 октября): «Написать такую оригинальную, такую правдивую вещь, как «Чайка», рассыпать в ней столько наблюдений, столько горькой жизненной правды, может только истинный драматический талант (...), но для сценического успеха необходима и ремесленность, от которой автор бежал». Пьеса написана «почти вне общепринятых условий сцены».

Неуспех спектакля Суворин объяснял тем, что «пьеса плохо и наскоро срететована, что роли были нетвердо выучены, что исполнители далеко не были на надлежащей высоте, что роли были распределены не совсем удачно, что в *mise en scène* были ошибки, которые трудно было устранить до первого спектакля, походившего скорей на генеральную репетицию». По мнению Суворина, была вина и автора, зависящая более всего от сценической неопытности».

Высокая оценка пьесы была дана еще в «Письме в редакцию» Л. А. Авиловой (подпись: Л. А.-ва), напечатанном в «Петербургской газете» (№ 290, 20 октября).

⁵² В первой половине октября 1896 г. в Александринском театре несколько раз шла пьеса Персияниновой «Пашенька». Какую пьесу Нотовича имела в виду Сазонова, не выяснено. В репертуаре театра за сезон 1895/1896 г. и до 17 октября следующего сезона пьесы Нотовича не обнаружено. Возможно, что Сазонова ошиблась, приписав Нотовичу пьесу другого автора.

⁵³ Суворин записал 17/18 октября 1896 г.: «Он пришел в 2 часа. Я пошел к нему, спрашиваю:

— Где вы были?

— Я ходил по улицам, сидел. Не мог же я плюнуть на это представление. Если я проживу еще семьсот лет, то и тогда не отдам на театр ни одной пьесы. В этой области мне неудача».

Завтра в 3 часа хочет ехать. «Пожалуйста, не останавливайте меня. Я не могу слушать все эти разговоры» («Дневник А. С. Суворина», с. 125).

⁵⁴ Надежда Ивановна Смирнова (? — 1906) — артистка Александринского театра, сестра Смирновой-Сазоновой.

⁵⁵ 18 октября 1896 г. Суворин записал: «Сегодня был у Карпова, говорил о «Чайке» Чехова, просил его сделать репетицию и изменить *mise en scène*. Написал Чехову. Он сегодня уехал с поездом в 12 час. дня, очень недовольным. Я ему послал вслед телеграмму, просил вернуться, чтобы подготовить пьесу к понедельнику» («Дневник А. С. Суворина», с. 126).

⁵⁶ Для второго представления «Чайки» — 21 октября 1896 г. — Суворин и Карпов сделали небольшие купюры в тексте пьесы и изменили отдельные ремарки.

22 октября Чехову писал К. С. Тычинкин: «Кое-что в пьесе изменили, монолог

свой Комиссаржевская говорит только в 1-м и 4-м действиях — в сцене с Машей он пропущен, Давыдов <Сорин> не остается на сцене в последнем действии, а уходит вслед за другими, не стелят также ему постель, так что Нина декламирует, не набросив на себя простыню: так вышло лучше» (ГБЛ, ф. 331.60.64).

Об успехе спектакля Чехову писала Комиссаржевская: «Сейчас вернулась из театра <...> Успех полный, единодушный, какой должен был быть и не мог не быть» (ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 295). Телеграфировал И. Н. Потапенко: «Большой успех. После каждого акта вызовы, после четвертого — много и шумно. Комиссаржевская идеальна, ее вызывали отдельно трижды. Звали автора. Объявили, что нет. Настороение прекрасное. Актеры просят передать тебе их радость» (ГБЛ, ф. 331.56.36).

⁵⁷ Чехов уехал из Петербурга в Мелихово 18 октября с двенадцатичасовым товаро-пассажирским поездом.

⁵⁸ Александр Иванович Урусов (1848—1900) — известный адвокат и театровед. Поклонник чеховской драматургии. Критик А. А. Андреева вспоминает: «...один раз я, не понимая его увлечения «Чайкою» Чехова, пристала с расспросами: почему именно нравится ему эта вещь? отчего? Что он в ней находит? — Он высказал, не помню какими словами или полусловами, что эта пьеса почти до физической боли волнует и радует его верностью наблюдения: он знал ту среду, которую там рисует Чехов, и видел ее жизнь так же, как ее видит Чехов» («Князь Александр Иванович Урусов», т. II—III. М., 1907, с. 415).

⁵⁹ Из писем Боборыкина Чехову конца 80-х годов, а также из его воспоминаний («Встречи с Чеховым». — ЦГАЛИ, ф. 549, оп. 1, ед. хр. 327) мы знаем, что Боборыкин очень высоко ценил творчество Чехова. Так что, очевидно, в дневнике Сазоновой речь шла только о непонятой Боборыкиным «Чайке», которую он смотрел в Александринском театре.

Об обсуждении пьесы в Шекспировском кружке вспоминает сам Боборыкин:

«...когда «Чайку» разбирали в нашем «шекспировском кружке», в докладе о ней П. И. Вейнберга, весьма отрицательно ее оценившего, безусловным защитником пьесы явился всего один сочлен, покойный князь Урусов.

И прения были очень горячие, и те, кто строго оценивали «Чайку», — оказались в большинстве».

Позднее, в конце 1899 года, когда Боборыкин смотрел «Чайку» в постановке Художественного театра, он изменил свое мнение о пьесе. 12 октября он писал своей жене С. А. Боборыкиной: «Чайка» в этом театре получила для меня другой колорит, и я почувствовал возможность иначе к ней отнестись, чему я душевно рад» (ИРЛИ, ф. 29, № 178, л. 106—107).

⁶⁰ 21 марта 1897 г. Чехов приехал в Москву на съезд сценических деятелей и на другой день заболел. После повторившегося 25 марта легочного кровотечения его положили в клинику проф. Остроумова.

Суворин записал 24 марта 1897 г.: «Третьего дня у Чехова пошла кровь горлом, когда мы сели за обед в «Эрмитаже». Он спросил себе льду, и мы, не начиная обеда, уехали. Сегодня он ушел к себе в «Большую Московскую гостиницу». Два дня лежал у меня. Он испугался этого припадка и говорил мне, что это очень тяжелое состояние. «Для успокоения больных мы говорим во время кашля, что он — желудочный, а во время кровотечения, что оно — геморроидальное. Но желудочного кашля не бывает, а кровотечение непременно из легких. У меня из правого легкого кровь идет, как у брата и другой моей родственницы, которая тоже умерла от чахотки» («Дневник А. С. Суворина», с. 150—151).

⁶¹ В «Новом времени» были напечатаны две статьи, в которых дана высокая оценка рассказа «Мужики», — в № 7587, 11 апреля, статья В. П. Буренина «Критические очерки», гл. III и в № 7594, 20 апреля, статья И. Н. Потапенко (за подписью: Фингал) «О критиках и о мужиках».

⁶² Эти телеграммы не сохранились.

⁶³ Чехов 23 июля приехал в Петербург, но за границу с Сувориным не поехал. В этот день Суворин записал: «Чехов приехал. В субботу 26 выезжаю в Париж. Чехова не мог убедить ехать. Ссылается на то, что ему все равно придется осенью на зиму уезжать за границу, хочет на Корфу, Мальту, а если поедет теперь, то надо возвращаться» («Дневник А. С. Суворина», с. 164).

⁶⁴ 26 января 1899 г. был заключен договор с издателем А. Ф. Марксом на приобретение им права литературной собственности на сочинения Чехова. Говорар (75 000 р.) Чехов должен был получить в несколько приемов в течение двух лет. История продажи им своих сочинений А. Ф. Марксу освещается в кн.: И. П. Видуэцкая. А. П. Чехов и его издатель А. Ф. Маркс. М., «Наука», 1977 (печ.).

⁶⁵ Пребывание Чехова во Франции (с сентября 1897 г. по 1 мая 1898 г.) совпало со временем острой политической борьбы, в ходе которой демократические и радикальные круги требовали пересмотра дела Дрейфуса с целью его оправдания. О том, что стоит за фразой Смирновой «хвалит французов, ругает русских», дает представление письмо Чехова к Ф. Д. Батюшкову от 23 января 1898 г.: «У нас только и разговору, что о Золя и Дрейфусе. Громадное большинство интеллигенции на стороне Золя и верит в виновность Дрейфуса. Золя вырос на целых три аршина, от его про-

тестующих писем точно свежим ветром повеяло, и каждый француз почувствовал, что слава богу, есть еще справедливость на свете и что, если осудят невинного, есть кому вступиться. Французские газеты чрезвычайно интересны, а русские — хоть брось. «Новое время» просто отвратительно» (*ПССП*, т. XVII, с. 219; см. также письма к Суворину от 6 февраля 1898 г. — там же, с. 227—230, и к Ал. П. Чехову от 23 февраля 1898 г. — там же, с. 235).

⁶⁶ О прогулках с Чеховым в окрестностях Ялты писала в своих воспоминаниях О. Л. Книппер-Чехова (О. Л. Книппер-Чехова. Из первых встреч с Чеховым в Ялте. — В кн.: Н. А. Сысоев. Чехов в Крыму. Симферополь, 1954, с. 7—8).

⁶⁷ Николай Александрович *Энгельгардт* (1867—1942) — критик и публицист, сотрудник «Нового времени».

⁶⁸ Чехов выехал из Ялты в Москву 2 августа.

⁶⁹ Повесть Чехова «В овраге» напечатана в журнале «Жизнь», 1900, кн. 1.

⁷⁰ Н. Ф. Сазонов приезжал в Крым, в связи с получением в наследство имения на Южном берегу Крыма, которое было им названо «Ай-Никола».

⁷¹ Вероятно, это были поездки не в Керчь, а в Гурзуф (см.: *ПССП*, т. XVIII, с. 373).

⁷² Московский Художественный театр гастролировал в Петербурге с 19 февраля до 22 марта 1901 г.

⁷³ Евгения Васильевна Кривенко — жена В. С. Кривенко.

⁷⁴ Семен Яковлевич *Надсон* (1862—1887) умер от чахотки. В последние месяцы его жизни Буренин в «Новом времени» глумился над больным поэтом (см., например: «Новое время», 1886, 7 и 21 ноября и 1887, 16 января).

⁷⁵ В «Новом времени», 1901, № 8999, 18 марта напечатана, за подписью: Граф Алексис Жасминов, пародия Буренина на пьесу «Три сестры», озаглавленная: «Домашний театр «Нового времени» — «Девять сестер и ни одного жениха» или «Вот так бедлам в Чухломе». Символическая драма в 4-х действиях с настроением».

⁷⁶ 11 марта 1901 г. в газете «Курьер», № 69, напечатана заметка «Симпатичное предложение». Сообщалось, что Ант. П. Чехов предложил учащим в земских школах Серпуховского уезда, желающим ехать в Крым, стол и квартиру в своем имении».

Чеховым же летом 1899 г. было сделано предложение — «дать приют на южном берегу Крыма одному из нуждающихся в поправлении здоровья учителю или учительнице».

⁷⁷ См. примеч. 75.

⁷⁸ У Чеховых жила «на покое» прослужившая у них с 1880-х годов кухарка М. Д. Белеповская (Марьюшка).

⁷⁹ А. М. Федоров, приехавший в Петербург для постановки своей пьесы «Стихия», незадолго до этого, в октябре 1902 г., получил письмо Чехова, в котором он очень хвалил эту пьесу (*ЛН*, т. 68, с. 636—637).

⁸⁰ В Александринском театре была возобновлена постановка «Чайки». Упомянутые в дневнике артисты исполняли роли: М. Г. Савина — Аркадина, А. А. Санин — Шамраев, Н. Н. Ходотов — Треплев, Л. В. Селиванова — Нина Заречная, К. А. Варламов — Сорин, И. М. Шувалов — Тригорин.

⁸¹ Илларион Васильевич *Кривенко* (1881—1913) — сын В. С. Кривенко, больной юноша, в судьбе которого Чехов принимал участие. В архиве Чехова находится 13 писем И. В. Кривенко. Письма Чехова к нему не сохранились.